

Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие

Сунь Вэньцзюнь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
sunventszyun@yandex.ru

- Аннотация.** Статья содержит комплексный анализ онейрических мотивов в ранней прозе Гоголя и в сборнике фантастических рассказов Пу Сунлина. Определяются общие мотивы для последующего сравнительного изучения и интерпретации. Делается вывод о том, что в творчестве обоих писателей сон является не только особым физиологическим и психологическим состоянием, но и путешествием персонажей в потусторонний мир.
- Ключевые слова:** Н. В. Гоголь, Пу Сунлин, сновидение, русская литература, китайская литература, сравнительное литературоведение, фантастика
- Благодарности:** исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.
- Для цитирования:** Сунь Вэньцзюнь. Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 153–158.

Original article

Oneiric Motifs in Nikolai Gogol's "Evenings on a Farm Near Dikanka" and Pu Songling's "Strange Tales from a Chinese Studio": Dreaming as a Journey

Sun Wenjun

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China
sunventszyun@yandex.ru

- Abstract.** The article contains a comprehensive analysis of oneiric motifs in Gogol's early prose and in Pu Sunlin's collection of fantasy stories. Common motifs are identified for further comparative study and interpretation. It is concluded that in the works of both writers, sleep is not only a special physiological and psychological state, but also a journey of the characters into the otherworld.
- Keywords:** N. Gogol, Pu Songling, dream, Russian literature, Chinese literature, comparative literature, fantasy
- Acknowledgments:** The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.
- For citation:** Sun, Wenjun. (2024). Oneiric motifs in Nikolai Gogol's "Evenings on a farm near Dikanka" and Pu Songling's "Strange tales from a Chinese Studio": dreaming as a journey. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 153–158. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Анализ творчества русского писателя-классика Н. В. Гоголя и выдающегося китайского прозаика рубежа XVII–XVIII века Пу Сунлина имеет давнюю историю в соответствующих научных традициях. Произведения Гоголя анализировали в своих работах В. И. Шенрок и Н. С. Тихонравов (конец XIX века), а в Китае еще при династии Цин поэтику и стилистику Пу Сунлина стали изучать в трудах выдающихся ученых Фэн Чжэньлуаня (冯镇峦), Дань Минлуня (但名伦) и Цзи Сяоланя (纪晓岚).

Для того чтобы обосновать возможность исследования творчества двух писателей, принадлежащих различным культурам, различным эпохам, различным литературным традициям и жанрам, необходимо обратиться к теории сравнительного литературоведения. Классическая компаративистика, отталкиваясь от учения позитивистов, полагала, что единственной причиной для появления необусловленных генетических сходств становится тождество или близкое сходство общественных отношений (А. Н. Веселовский, Н. Познетт и их французские современники). Позднее концепция марксизма расширяет диапазон понимания сравнительного литературоведения благодаря представлению о культуре как порождении экономических отношений (об этом классические советские работы В. М. Жирмунского, Б. Г. Реизова, Д. Дюришина). Компаративистика второй половины XX – начала XXI века предполагает значительную активность сознания исследователя, способного благодаря логике и эрудиции проводить рациональные и методологически обоснованные сопоставления текстов, принадлежащих различным культурам. Принцип сравнения в таких исследованиях основан на классической греческой философии, которая признает сравнение естественной и необходимой чертой человеческого мышления: А. Н. Веселовский (1940), N. Posnett (1886), В. М. Жирмунский (1979), Д. Дюришин (1979), D. Damrosch (2020).

В своей монографии Е. М. Болдырева указывает на то, что российско-китайские литературные параллели осуществляются в трех основных формах. Первая является самой распространенной: основываясь на генетической связи и поиске творческих переключек между российскими и китайскими писателями, автор предлагает концепцию «писателей-двойников»; второй подход российско-китайского литературного диалога состоит в обнаружении мотивных параллелей между произведениями русских и китайских авторов в рамках типологических связей; третье направление исследования этого диалога заключается в анализе функционирования вечных и «странствующих»

сюжетов и образов в русской и китайской литературе [Болдырева, 2023]. Таким образом, изучение произведений Н. В. Гоголя и Пу Сунлина возможно в рамках последних двух типологических подходов.

Книга «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и новеллистический сборник «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном» Пу Сунлина отличаются интенсивной работой авторов с фольклорным и литературным материалом, а также интересом к фантастике и народной демонологии, яркостью красок в изображении бытовых сюжетов [Евдокимов, 2018]. Кроме того, при сопоставлении фантастической прозы обоих писателей естественным образом выявляется множество значимых для художественных миров Гоголя и Пу Сунлина типологических сходств. Среди них можно отметить широкий спектр порой имеющих параллели мифологических и народно-демонологических мотивов, а также схожую типологию литературных героев (например, молодые мужчины, вступающие в контакт с иноприродной силой; юные девушки, воплощающие собой соблазнительный характер inferнального; животные, маркирующие присутствие запредельного, и пр.) и сюжетов (ноктуральный переход в иномирную реальность; разрушительное соблазнение героя «темной» стороной; преступление, мотивированное отходом от религиозного закона, и соответствующее наказание и т. д.). В целом можно отметить характерное для Гоголя и Пу Сунлина мистическое восприятие реальности и наличие религиозного (в частности, религиозно-этического) измерения в их произведениях. Сравнение поэтики этих двух классиков позволяет лучше понять уникальность и своеобразие творчества каждого из них. С этой точки зрения, а также исходя из расширяющегося и углубляющегося в последние десятилетия взаимного интереса русской и китайской культур, типологическое изучение фантастической прозы Гоголя и Пу Сунлина представляется нам чрезвычайно актуальным. В данной статье мы концентрируем внимание на онейрических мотивах в творчестве этих писателей – как мотивах интегральных, объединяющих многие составляющие художественных миров Гоголя и Пу Сунлина.

К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ СНА У ГОГОЛЯ И ПУ СУНЛИНА

Описание сновидений представляет собой распространенный литературный прием, который может служить ориентиром для компаративистского исследования фантастических произведений. В творчестве Гоголя и Пу Сунлина встречаются частые обращения к мотиву сна.

Переосмысление и переработка первоначальных материалов является неотделимой частью их творческой работы. В предисловии к сборнику «Странные истории из кабинета неудачника» синолог В. М. Алексеев пишет о том, что сюжеты рассказов давно уже вошли в репертуар народных сказителей [Пу Сунлин, 2023]. Пу Сунлин широко опирается на народную фольклорную традицию. Большое количество сюжетов и приемов о сновидениях относятся к традиции предыдущих эпох (дин. Тан – новеллы *чуаньци*). Часто внимание писателя обращено к национальным истокам: Гоголь переносит в свои повести народные предания (как оригинальные, так и уже интерпретировавшиеся европейскими и русскими писателями). При создании «Вечеров» Гоголь засыпает мать просьбами рассказать ему о поверьях, страшных сказаниях, преданиях, анекдотах [Гиппиус, 1966]. Кроме того, он рано осознает необходимость использовать для своей фантастической прозы специфический, черпающий элементы барокко и романтизма, витиеватый стиль. По мнению Ю. В. Манна, мотив сна становится одним из излюбленных мотивов эпохи романтизма, поскольку с его помощью маскировалась «другая жизнь», т. е. элементы фантастического или мифологического [Манн, 2007]. Последнее труднее представить у Пу Сунлина, поскольку тема сновидений в «Рассказах Ляо Чжая» используется во многом для отражения действительности. Как указывает в своей работе литературовед Ма Жуйфан, «важная черта “Ляо Чжая” – использование мотива сна для сатирического обличения алчности и безжалостности» [马瑞芳, 2016, с. 144].

У Гоголя онейрические элементы «Вечеров» получают романтическое освещение. Граница между явью и сном в духе немецкой новеллистики Э. Т. А. Гофмана и Л. Тика замаскирована: события сна описываются как реальные [Манн, 2007]. В повести «Майская ночь, или Утопленница» герой-сновидец Левко видит сон о бедной утопленнице, дочке сотника. Мачеха-ведьма затуманила рассудок ее отца, и он выгнал свою несчастную дочь из дома. Гонимая сирота находит покой в волнах. Парубок во сне выполняет просьбу панночки и получает наградную записку. Отправляя своего героя в онейрическое пространство, Гоголь гармонично сочетает мир реальный и мир inferнальный, а границы между «своим» и «чужим» хронотопом оказываются проницаемы. Подобный мотив сна также проявляется в «Пропавшей грамоте». Дед проникает в бесовское пекло во сне и возвращается в реальность также с помощью сна. Его границы в то же время являются границами пространства нечистой силы.

В «Рассказах Ляо Чжая» также встречается мотив сна: сон в сборнике становится дорогой, ведущей людей в мир сверхъестественных сил. Схожее наблюдение делает В. М. Алексеев, подчеркивая, что все рассказы Ляо Чжая затрагивают исключительно соединение видимого мира с невидимым посредством бесов, оборотней, лисиц, сновидений и т. д. [Пу Сунлин, 2023].

Проиллюстрируем это примером из новеллы Пу Сунлина «Лисий сон» (《狐梦》). В ней рассказывается история главного героя, полюбившего во сне лисицу. Студент Би Иань по своей должности знает о заклинании духов и с большим увлечением изучает жизнь лисиц. Однажды он во сне неожиданно сталкивается с демоническим существом – Третьей лисицей. При этом Би Иань также видит во сне, как пирует с сестрами лисицы. У Пу Сунлина, как и у Гоголя, граница между сном и явью размывается. Студент Би так же неотделим ото сна и реальности, как гоголевский герой Левко:

И вдруг Би открыл глаз: проснулся – все это было только сном. И все-таки в носу и во рту стоял густой винный дух [там же, с. 58].

ТИПОЛОГИЯ СНОВИДЕНИЙ У ГОГОЛЯ И ПУ СУНЛИНА

Представления о душе в русских и китайских народных верованиях во многом сходны. Так, в обеих народных культурах существует сюжет о том, что во время сна душа может временно покидать тело и блуждать по загробному лабиринту, но не по собственному желанию, а подчиняясь колдовству. В новелле «Оживший Ван Лань» (《王兰》) показан эпизод увода души девушки во сне посредством колдовства. Той приснился страшный сон: во время прогулки девушки-сновидца в саду несколько юношей-призраков пытались похитить ее душу, а оживший Ван Лань ее спас. Подобный сюжет присутствует и в гоголевской повести «Страшная месть», где душу Катерины отделяет от тела ее демонический отец. Причину этой сверхъестественной власти раскрывает пан Данило:

Антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле... [Гоголь, 2003, т. 1, с. 198].

Сны околдованной отцом Катерины пророческие, именно во сне она распознает сатанинскую сущность своего отца и узнает тайну смерти матери. Таким образом, сны героини способствуют развитию сюжета повести.

Для «Рассказов о необычайном» Пу Сунлина также характерны вещие сны. Например, в новелле «Фея древовидного пиона» («香玉») студент Хуан строит догадки о личности Цзян Сюэ, полагая, что она – дух пиона, до тех пор пока Цзян Сюэ не является к нему во сне и не просит о помощи. Только тогда он понимает, что Цзян Сюэ – дух зимнего цветка. До того, как ввести сюжет сна, автор поэтапно готовит предысторию, благодаря этому после объяснения сна тайна личности Цзян Сюэ раскрывается, и главная интрига произведения исчезает.

Гипнологическая ситуация в «Страшной мести» более сложна: писателем использован особый художественный прием – сон во сне. Во сне Данило видит сон Катерины:

И чудится пану Даниле, что облако то не облако, что-то стоит женщина. <...> Ах! это Катерина! [Гоголь, 2003, т. 1, с. 196].

В новелле о снах Пу Сунлина «Ученый из округа Фэнъян» («凤阳人士») использован свежий прием: мотив сна усложняется, используя трижды – как тройной сон. В уезде Фэнъян живет студент, который учится в дальних краях, и долго от него нет никаких вестей. Жена сильно скучает по мужу. Во сне ее приводит к мужу красивая девушка, но муж начинает оказывать знаки внимания красавице, а на жену совершенно не обращает внимания. В тот момент, когда жена попыталась покончить с собой, появляется ее брат. Он наказывает ее мужа за неверность, ударив его камнем. На следующий день, когда ученый возвращается домой, приходит и брат жены. Мужчины разговорились, и оказалось, что все трое увидели один и тот же сон. Таким образом, можно напрямую соотнести сны главных героев в гоголевской повести и в новелле Пу Сунлина, и это соответствие порождает у читателя ощущение достоверности сюжета и значительно усиливает впечатление.

В гоголевской повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» обнаруживается другой вид сновидений – гротескный сон о вездесущей жене Ивана Федоровича. Сон-тревога Шпоньки, на наш взгляд, приобретает метафорическое значение, ведь он показывает читателям внутренний мир персонажа, в котором преобладает страх перед венчанием. В рассказе «Что видел пьяный Ван Цзыань» («王子安») изображено тревожное душевное состояние сновидца Ван Цзыаня, с нетерпением ожидающего результатов императорских экзаменов. Студент Ван постоянно терпит неудачи на экзаменах. После их сдачи, ближе к оглашению результатов, он напивается и видит сон о том, как получает степень *цзиньши*, а затем становится академиком в Ханьлинь:

«Приехал верховой с оповещением. Ван, шатаясь-мотаясь, вскочил и крикнул: – Дать вестнику десять тысяч! <...> Вдруг опять кто-то вошел к нему и сказал: – Ты сдал экзамен на степень цзиньши. <...> Ван пришел в полный восторг: – Подарить вестнику десять тысяч! <...> Прошло опять некоторое время. Стремительно вбежал к нему человек и сказал: – Ты теперь академик, выбранный по дворцовому экзамену. Твои слуги уже здесь! Тут он увидел двоих людей, кланяющихся ему у постели» [Пу Сунлин, 2023, с. 407–408].

При этом насмешки над студентом Ваном здесь не столько показывают специфический быт ученых имперской эпохи, сколько иронически подчеркивают неуместность пустого мечтательства.

Отметим, что все чудесные, вдохновенные сны Гоголя сняты его персонажам вечером и ночью. Время после захода солнца всегда имело определенную таинственную коннотацию: это сакральное время безраздельного господства мистических, чаще всего нечистых сил. В «Рассказах о необычайном» не только вечер является пиком сверхъестественного: человек в дневное время тоже может сталкиваться с духами из потустороннего мира. Так, в повести «Расписная стена» («画壁») изображен сон среди бела дня. Главный герой кандидат Чжу однажды случайно забредает в буддийский храм и испытывает восхищение от образа Небесной девы с росписи на восточной стене. Он долго стоит перед фреской и никак не может оторвать от нее глаз. И вдруг его тело становится легким и летит в туман, после чего он сам оказывается на расписной стене. Здесь он встречается с той девушкой, проводит с ней два дня. Но как только старый монах постучал пальцем по стене и позвал студента Чжу, он быстро слетел со стены вниз. В конце концов он понимает, что просто задремал среди бела дня и что всё это ему приснилось.

Еще одним особым видом сна у Гоголя является сон без сновидений. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» такой сон выполняет психотерапевтическую функцию. Главный герой Петрусь заключил сделку с чертом-искусителем – Басаврюком. Чтобы найти клад с золотом, Петро вынужден совершить страшное убийство.

Мертвый сон схватил его. <...> Очнувшись на третий день <...> но напрасно старался что-нибудь припомнить [Гоголь, 2003, т. 1, с. 106].

Крепкий сон позволяет Петрусью на время забыть о своем ужасном преступлении: он убил Ивана, брата любимой девушки Пидорки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В творчестве Гоголя и Пу Сунлина сон не только представляет собой особое физиологическое и психологическое состояние, но и оказывается путешествием персонажей в другой, подземный мир. Сновидение представлено как выражение фантастического мира, возникающего в пограничном хронотопе, в котором гармонично сочетаются мир реальный и мифологический. Кроме того, по форме гоголевские сны делятся на следующие разновидности: пророческий сон, сон-тревога, сон во сне. Помимо упомянутых выше типов сновидений, для китайского классика в «Рассказах Ляо Чжая» также характерны сны среди бела дня. Не менее существенную роль в гоголевской прозе играет сон без сновидений или сон-забытье. Карл Као отмечает, что сны в китайском повествовании

традиционно выполняют две функции: либо они аллегоричны, как «жизнь, подобная сну», либо они образуют «сумеречную зону», где живые и мертвые или иные сверхъестественные существа могут свободно общаться друг с другом [Као, 1985]. По мнению Ю. Манна, Гоголь в концепции фантастики исходит из представления о двух противоположных началах – добра и зла, божеского и дьявольского [Манн, 2007]. Таким образом, русский писатель неоднократно предупреждает об опасности, исходящей от нечистой силы. А китайский классик с помощью онейрических мотивов создает более сложную картину отношений человека и демонического существа; например, в рассказах «Лисий сон» и «Расписная стена» не ощущается никакой опасности, а потому расставание сблизившихся существ выглядит как сюжет о нарушении запрета, который навеки разлучает влюбленных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырева Е. М. Мой далекий двойник где-то там, на другом берегу...: Российско-китайский литературный диалог. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023.
2. Евдокимов А. А. О генезисе ноктюрнальности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Поэзия филологии. Филология поэзии: сборник материалов конференции, посвященной А. А. Илюшину. Тверь: Издатель А. Н. Кондратьев, 2018. С. 45–50.
3. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023.
4. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л.: Наука, 1966.
5. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
6. 马瑞芳. 中国古代小说构思学. 山东, 山东教育出版社. 2016. = Ma Zhuyifan. Структура древних китайских романов. Шаньдун: Шандунское образовательное издательство, 2016. (на кит.)
7. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т.1. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2003.
8. Kao Karl S. Y. Classical Chinese Tales of the Supernatural and the Fantastic. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1985.

REFERENCES

1. Boldyreva, E. M. (2023). Moj dalekij dvojn timer gde-to tam, na drugom beregu... : Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialog = Moj dalekij dvojn timer gde-to-tam, na drugom beregu... : Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialogue. Jaroslavl': RIO JaGPU. (In Russ.)
2. Evdokimov, A. A. (2018). O genezise noktyurnal'nosti v Veceerah na hutore bliz Dikan'ki N. V. Gogolya // Poeziya filologii. Filologiya poezii (pp. 45–50): Proceedings of the conference dedicated to A. A. Ilyushin. Tver: Izdatel' A. N. Kondrat'ev. (In Russ.)
3. Pu Songling. (2023). Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Liao Chzhaj Chzhi I) = Strange tales from the Chinese Studio. (Liao Zhai Zhi I) Petersburg: SPbSU Publishing House. (In Russ.)
4. Gippius, V. V. (1966). Ot Pushkina do Bloka = From Pushkin to Blok. Moscow ; Leningrad: Nauka. (In Russ.)
5. Mann, Yu. V. (2007). Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma = Gogol's work: meaning and form. Petersburg: SPbSU Publishing House. (In Russ.)
6. 马瑞芳. (2016). 中国古代小说构思学. 山东, 山东教育出版社. = Ma Ruifang. (2016). Conceptualization of Ancient Chinese Novels. Shandong, Shandong Education Press. (In Chinese)
7. Gogol, N. V. (2003). Polnoe sobranie sochinenii i pisem (Vilums 23. V. 1= Complete works and letters in 23 vol. vol. 1. Moscow: Nauka, IMLI RAN. (In Russ.)
8. Kao, K. S. Y. (1985). Classical Chinese Tales of the Supernatural and the Fantastic. Bloomington, IN: Indiana University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сунь Вэньцзюнь

аспирант кафедры истории русской литературы
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
преподаватель Университета МГУ – ППИ в Шэньчжэне
ORCID: [//orcid.org/0000-0003-1903-2224](https://orcid.org/0000-0003-1903-2224)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sun Wenjun

Postgraduate Student of Department of Russian Literature
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
Lecturer Shenzhen MSU-BIT University
ORCID: [//orcid.org/0000-0003-1903-2224](https://orcid.org/0000-0003-1903-2224)

Статья поступила в редакцию	11.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.05.2024	accepted for publication